

О.Е. Кошелева, Ю.М. Эскин

**ОГРАБЛЕНИЕ СТОЛЬНИКА ПУШКИНА.
НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ ИСТОРИИ
СЕЛА БОЛДИНА***

С 1698 года после смерти окольного Ивана Федоровича Пушкина [1] часть Болдина перешла к его сыну, стольнику Ивану Ивановичу. 25 декабря 1712 года, во время отсутствия хозяина, в селе случилась трагедия. Челобитная очевидца событий – приказчика Василия Шарапова – содержит просьбу произвести сыск по делу о разбойном нападении на боярскую усадьбу, грабеже и убийстве крестьян. Нападение, как следует из рассказа Шарапова, было совершено конным отрядом вооруженных людей. В Болдине находился боярский двор, а значит, хозяева приезжали туда и временами здесь жили. Именно этот двор и привлек внимание разбойников. Приказчик и несколько крестьян пытались оказать сопротивление, но были жестоко избиты; одного из них застрелили, жену и сына другого пытали огнем. Составив перечень похищенного и захватив с собой в качестве улики лошадь, опрометчиво оставленную грабителями, избитый Шарапов в январскую стужу направился с жалобой в Арзамасскую приказную избу, чтобы местные власти провели расследование. В ходе следствия все рассказанное приказчиком подтвердилось, однако найти преступников не удалось.

Перечень похищенного дает возможность узнать многие бытовые подробности о тогдашней жизни в Болдине. Пострадавших от воровства оказалось двое: сам И.И. Пушкин и его крестьянин Афанасий Терентьев, вероятно, брат приказчика Шарапова. Были захвачены деньги, собранные с крестьян Болдина в виде оброка, – 370 рублей, а также платежные докумен-

* Текст публикуется повторно в связи с научной значимостью и с согласия авторов. Первая публикация (с иллюстрациями): *Кошелева О., Эскин Ю.* Ограбление стольника Пушкина. Неизвестные документы из истории села Болдина // *Родина*. 1999. № 5. С. 38-42. – *Прим. ред.*

ты и письма. Взяли и “мирские деньги”, что крестьяне собирали “миром” для каких-то своих нужд по 40 алтын [2] с каждого двора. Всего этих денег оказалось 136 рублей 6 алтын 4 деньги. Обратный подсчет показывает, что в Болдине насчитывалось 113 дворов – очень крупное по тем временам село, в котором была своя церковь, боярский двор с конюшнями и житницей, с зажиточными крестьянами, платившими высокий денежный оброк (около 3 рублей с двора). Болдино, как родовая вотчина рода Пушкиных, все время находилось в разделе между его членами. В 1699 году Иван Иванович делил село со своим родным братом Федором и дядей Федором Федоровичем, оба были бездетны [3]. Даты смерти последних нам неизвестны, и, возможно, к 1712 году Болдино уже полностью принадлежало Ивану Ивановичу как единственному и последнему представителю этой ветви пушкинского рода.

На боярском дворе в запертых на замки сундуках и коробах хранилось хозяйское добро. Там лежали деньги, ювелирные украшения, одежда, отрезы тканей, посуда. Упомянутая в документе женская шапка – бархатная на собольем меху – очень дорогая, ценою в 20 рублей, что равно стоимости двух хороших лошадей; она явно принадлежала боярыне. Позволим себе предположить, что Иван Иванович Пушкин, семейное положение которого до сих пор оставалось неясным [4], был женат. Украденная одежда Ивана Ивановича в основном зимняя, на дорогом меху. Особенно привлекают сшитые из четырех сортов меха рукавицы. Содержание сундука отражает двойственность моды того времени: тут и типичные для русской знати XVII века кунтуши с длинными разрезными рукавами, и немецкая одежда: предок Пушкина щеголял в васильковом немецком кафтане и красных коротких штанах на подкладке.

Из конюшни воры увели одиннадцать лошадей. Для боярского выезда явно предназначались первые четыре из перечня – их общая стоимость 42 рубля, в то время как остальные 7 лошадей стоили 28 рублей.

На дворе крестьянина Афанасия Терентьева воры тоже поживились неплохо. Судя по тому, что Афанасий был сборщиком мирских денег, он был и мирским старостой Болдина, человеком состоятельным и облеченным мужицким доверием. Его жена и сын Фрол, видимо, пытались скрыть какое-то добро, за что и были пытаны грабителями. Состав украденного имущества этой семьи может многое поведать о тогдашней сельской жизни. Афанасий суживал односельчанам деньги под заклад имущества. Однажды какой-то нуждающийся священник (возможно, и болдинский) заложил ему свою рясю.

Крестьянин был богат лошадьми – воры свели с его двора пятых коней. В его доме хранилось 15 пудов воска, который, судя по наличию воцаных котлов, здесь же и изготовлялся, скорее всего, на продажу. Другие вещи, в том числе конская упряжь, собачьи цепи, оружие, льняные холсты, одежда, представленные во множестве и также предназначались для продажи – 22 кафтана, 7 сермяжных зипунов, 12 расстегаев и 12 сорочек вряд ли могли быть личным имуществом семьи. Два безмена также свидетельствуют о торговой деятельности Афанасия, весьма крупного для села Болдина бизнесмена.

Известный факт о распространении разбойных нападений в тяжелые петровские времена в этой истории приобретает вполне конкретные очертания. Но в документе нет и намек на то, кем же были грабители Болдина. Ясно лишь, что эти хорошо экипированные жестокие люди были подготовлены к тому, чтобы увезти большое количество награбленного добра, и знали, что оно имеется в селе. Особенно примечательна заинтересованность злоумышленников в похищении платежных бумаг и писем Пушкина (совсем посторонних, случайных грабителей они не интересовали бы). Возможно, это был отряд разбойников, сложившийся из беглых крестьян и рекрутов. Но не менее вероятно, что так сводили счеты с Пушкиным его соседи. В связи с этим приходит на память герой пушкинского “Дубровского” Кирилла Петрович Троекуров, который, поссорившись с соседом, “вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение, на Кистеневку (так называлась деревня его соседа [5]), разорить ее до тла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковинку”.

Прошло пять лет. Иван Иванович Пушкин находился вдалеке от Болдина, на берегах Невы. Сюда, в строящийся Петербург, ему пришлось переселиться по велению Петра I. Дом Пушкина находился на Санкт-Петербургском острове (район между Малой и Большой Невками). Здесь хозяин, чувствуя приближение смерти, написал свое “завещательное письмо”, зарегистрировав его, как это было положено, в Санкт-Петербургской губернской канцелярии (29 марта 1717 года) [6] и уплатив соответствующую пошлину.

Именно эту копию завещания (подлинник остался у И.И. Пушкина) мы и обнаружили в составе Записной книги Санкт-Петербургской губернской канцелярии. Читая ее, замечаем, что писец, делавший копию, путался при ее написании, то излагая текст, как в подлиннике завещания, от первого лица, то – от третьего, пересказывая его от себя.

Иван Иванович просил похоронить его вдалеке от родовых могил, на петербургском кладбище у церкви Самсона Странноприимца, находящейся на Выборгской стороне, за чертой города. Это кладбище по велению Петра I должно было упокоять души “странных”, то есть приезжих людей, в том числе иностранцев. Позднее оно стало целиком “иноверческим”. Может быть, Пушкин таким распоряжением хотел подчеркнуть, что в Петербурге он оставался “странником”, заброшенным сюда против собственного желания из родных мест?

В завещании Иван Иванович назначает трех душеприказчиков – исполнителей своей последней воли, которым поручается поминовение его души и устройство финансовых дел. Первый душеприказчик – его духовный отец, пожилой священник кафедрального Троицкого собора Петербурга Иоанн Семенов. Следовательно, Пушкин был прихожанином этой крупнейшей в то время в Петербурге церкви, рядом с которой он жил.

Второй душеприказчик – стольник Аврам Федорович Лопухин, родной брат опальной царицы Евдокии Федоровны. Кем он доводился Пушкину – неясно, но, возможно, был в родстве с покойной женой Ивана Ивановича. Наше предположение о том, что И.И. Пушкин был женат, еще раз подтверждается завещанием, поскольку в нем упоминаются его “своиственники”, то есть родные по линии жены. Так или иначе, но назначение в душеприказчики Лопухина говорит о том, что Иван Иванович поддерживал близкие отношения с семьей, к которой царь Петр относился враждебно. В конце того же 1717 года Петр начнет расследование о заговоре своего сына от Лопухиной Алексея, но смерть самого Ивана Ивановича избавит его от возможных подозрений в связях с Лопухиными.

Третий душеприказчик, он же и единственный наследник, двоюродный племянник Александр Петрович Пушкин, солдат лейб-гвардии Преображенского полка, прямой прадед Александра Сергеевича Пушкина.

Определив душеприказчиков, И.И. Пушкин обратился к вопросу о своих невыплаченных долгах, перечень которых является обычным разделом любого завещания. Их, однако, оказалось огромное количество: разным лицам заложены его вотчины на сумму 5500 рублей, взято займы денег без залогов 867 рублей, под заклад драгоценностей – 90 рублей, и не выплачены церковные деньги (так называемая руга), в том числе и Болдинские 92 рубля. Всего долг составляет 6549 рублей – сумма по тем временам колоссальная. Душеприказчиков Пушкин просит долги заплатить и выкупить

заклады, а оставшимися деньгами “помянуть душу его и всякие церковные потребности отправлять”. Откуда же они возьмут деньги? Душеприказчику Лопухину заложены вотчины на четыре тысячи рублей. Из этой суммы, которую, видимо, Пушкин себе и не брал, Лопухин должен отдать заимодавцам 2549 рублей. Думается, что за финансовыми операциями Пушкина скрываются какие-то договоры, специально замаскированные и потому нечетко прописанные в завещании. Весьма вероятно, что заклад вотчин, а также некоторые долги – хитрость, к которой прибег Иван Иванович, пытаясь обойти петровское законодательство о наследовании. Либо, не имея прямых наследников и близких родственников, он боялся, что о его душе не позаботятся должным образом, и под видом заклада продал указанные вотчины и драгоценности, а деньги при жизни отдал в монастыри на помин своей души. Как известно, Петр весьма не одобрял вклады в монастыри, не желая их обогащения, и писать о них в завещании было рискованно. Тогда становится понятным, почему распоряжения о вкладах по душе в его завещании столь лаконичны. Возможно, Пушкин пожелал отдать под видом заклада часть своих имений некоторым лицам помимо своего основного наследника. Сделать это в открытую ему мешал указ Петра I о “единонаследии” (1714), направленный к тому, чтобы знать не дробила свои владения на мелкие части. О том, как дворянство всячески стремилось обойти этот указ, известно из донесения сенаторов царице Анне Иоанновне с просьбой его отменить. Чтобы уравнивать детей наследников, родители брали излишние подати с крестьян, продавали часть родовой недвижимости, писали в завещании несуществующий долг, обязывая наследника выплатить его младшим братьям и т. д. [7] У Пушкина не было детей, но разделить наследство между родственниками в открытую он не смел, а обидеть их не хотел.

Среди “заимодавцев” Пушкина мы действительно встречаем его близких родственников. Во-первых, это Федор Петрович Пушкин (либо второй двоюродный племянник, брат А.П. Пушкина, либо его дядя – они тезки). Но скорее всего – это младший брат А.П. Пушкина, прапрадед Александра Сергеевича с материнской стороны. В год составления завещания у него родился наследник [8]. Во-вторых, двоюродные брат и сестра И.И. Пушкина – князь Иван Иванович Хованский и старица Александра Ивановна Хованская, о существовании которой мы впервые узнаем из завещания. Их мать – родная тетка Ивана Ивановича Анастасия Федоровна – была замужем за известным князем И.А. Хованским-Тараруем, предводителем

стрелецкого бунта 1682 года. У Хованских в доме Пушкин держал свои сундуки с “пожитками”. Очевидно, это было связано с переездом в Петербург и неустроенностью на новом месте. Эти родственники получили по завещанию Ивана Ивановича под видом отдачи долга вотчины и деньги.

Московский дом И.И. Пушкина, находившийся “в приходе церкви Козмы и Домияна, что на Тверской” (неподалеку от современной мэрии на Тверской, 13 и Столешникова переулках), заложен некоему Гавриле Шарапову, вероятно, члену семьи его приказчика Василия Шарапова. Названы в завещании в качестве кредиторов и другие лица, отношения которых с Пушкиным не ясны. Иван Иванович предусмотрительно оформил “записи” на каждую из сделок, подтверждавшие, что собственность Пушкина принадлежит им до отдачи долга.

Лишь в конце завещания Иван Иванович определяет имения для наследника. Почему из четырех своих двоюродных племянников “Петровичей” Иван Иванович выбрал в наследники именно Александра, остается только гадать. Сам Александр Петрович не присутствовал при составлении завещания и, надо думать, был и обрадован тем, что получает дядюшкино наследство, и удручен тем, что из десяти его вотчин получает лишь шесть родовых – остальные четыре крупные вотчины “в закладе” у других лиц. Наследник был холост и небогат. Как свидетельствует та же записная книга губернской канцелярии, в мае 1717 года Александр Петрович заложил на год ярославскую вотчину за 224 рубля серебром [9]. Из этого же документа видно, что он сменил службу в Преображенском полку на драгунский Ростовский полк. Среди родовых вотчин дядюшки ему досталось и Болдино, перешедшее таким образом из одной линии рода Пушкиных в другую – прямую ветвь предков Александра Сергеевича. Завещание, как было принято, Иван Иванович написал и обнародовал при восьми свидетелях – жителях Петербурга, затем поставил свою подпись. А вот когда делалась ее копия в губернской канцелярии, он уже был не в силах ее подписать “за своею трудностью”, вместо него руку приложил его духовник. Вероятно, вскоре после этого Иван Иванович скончался.

Челобитная приказчика Василия Терентьева сына Шарапова, поданная в Арзамасскую приказную избу

Державнейший царь, государь милостивейший! В прошлом, государь, в 712 году декабря в двадесят пятый день прибежали в арзамасскую государя моего вотчину в село Болдино воровские люди многотством, с ружьем и с копья, ивзяли воровски на боярском дворе

оброчных денег триста семьдесят рублей, да на боярском же дворе взяли у зборщика того села у крестьянина у Афанасья Терентьева мирских зборных денег, которые собраны были по сорока алтын з двory, итого сто тридцать шесть рублей шесть алтын четыре денги. Да они ж, воровские люди, били меня и увечили смертными побои. И побив у сундуков и у коробы замки, и побрали все без остатку. Денег у меня взяли сто семьдесят рублей, цепочку золотую, цена тридцать семь рублей; двои серги золотые з бурмицкими зерны [10], цена двадцать пять рублей; серги с ызумруды, цена десять рублей; серги с бурмицкими большими зерны, цена семь рублей; кунтыши [11] камчатой бруснишна цвету на хрептовом меху бельем сибирском; круживо золотное с серебром, цена дватцать пять рублей; кунтыши камчатой [12] зеленой на меху, перевьем бельем, цена пять рублей, два кунтыша китайчетых на зайцах хрептовых, цена семь рублей; китайка [13] лазоревая, китайка бруснишная, битая, китайка зеленая битая ж, китайка черная, пестрядь [14] на занавес травчатая, другая на занавес черная, бурмет [15] лазоревой, цена китайкам и занавесом семь рублей; камка на жаркой цвет, цена восм рублей, три рубахи мушских, рунковых, золотомшиты, цена девять рублей. Да посуды оловянной взято сорок блюд, пятнадцать тарелак, три сковоротки медные, цена воемь рублей с полтиною. Шапка женская соболя, верх бархатной вишневой, цена дватцать рублей; три шапки кунных, на одной верх бархатной, на другой отласной красной, на третьей суконной алтай, цена шесть рублей; саян тафтяной бострок, камчатой зеленой, саянки тайчатой зеленой, цена пять рублей; три шапки муских, цена шесть рублей. Одиннатцать лошадей: конь соловой, конь рыж, иноходец темносер, мерин темносер, цена чetyрем лошадям сорок два рубли; три мерина гнедых, мерин бур, кобыла сера, мерин гнедой, кобыла гнедая, цена дватцать восьмь рублей. Три таза медных, цена два рубли; кафтан васильковой, немецкой, цена шесть рублей; штаны триковые красные на подкладке крашенинной, цена три рубли; штаны ж крежевые полосатья, цена семь гривен; рукавицы волчьи, ладони оленьи, испод песцовой белой, опушены песцом голубым, цена сорок алтын.

Да того же села Болдина у Афанасья Терентьева они ж, воры, взяли денег сто пятнадцать рублей, да закладного сутужного серебра на пятнатцать рублей, да закладную жряску суконную на кирпичной цвет, кругом та ряска опушена пухом бобровым, мех мерлушетной, ожерелак [16] бобровой, цена той ряске шесть рублей; дау него ж, Афанасья, взято воску пятнадцать пуд по цене на шестдесят на восьмь рублей, да шелку розных цветов, цена чetyре рубли; два котла медных воцаные, цена шесть рублей; сорок холстов льняных, цена пять рублей; дватцать два кафтана шубные, цена дватцать два рубли жа; сермяжных семь зипунов, цена три рубли; восм узд ре-

менных, цена рубль; два безмена медные, цена полтора рубли; восемь хомутов ременных, цена четыре рубли; двое железа конские, цена полтина; три цепи собачьи, цена полтина ж; две шубки женские, мехи заячьи, цена пять рублей; двенадцать растегаев крашенинных, лняных, в том числе пять растегаев скруженом мишурным, цена пятнадцать рублей, двенадцать сорок [17] женских, шесть золотных, шесть шелковых, золотным сорокам цена три рубли, а шелковым сорокам цена рубль; два бердыша, цена четыре гривны, две рогатины, цена семь гривен, да винтовку, цена шестьдесят алтын; два котлы медные, весом один полпуда, другой – десять гривенок, цена шесть рублей. Да лошадей у него ж, Афанасья Терентьева, взято – мерин сер, мерин саврас, летысрослы, мерин карь шти [18] лет, мерин гнедшти ж лет, кобыла сивожезега семи лет, тавро по обеим окорокам, одно Спасское, что на Суре, другое – черкасское; цена тем лошедем пятьдесят рублей.

Да те ж воры взяли в селе Болдине на боярском дворе из житницы, которые были на прошлые годы во всяких податях платажные, с села Болдина да Алаторского уезду села Кунеева деревни Тимашевы всякие отписки и иные всякие письма; и те отписки и письма они, воры, побрали с собою. Да Афанасьеву ж жену Терентьева и сына ево Фрола жгли огнем, да крестьянина Дениса Лаврентьева сына убили из ружья до смерти и то убитое тело поставлено в церкву; да они ж, воры, Никиту Силаева копьем покололи. И покинули у нас они ж, воры, воровскую свою лошедь, меринагнеда, уши пороты, и тое лошедь я, нижайший твой раб, привел в Арзамас к записке.

Всемилоствейший государь, прошу Вашего величества, вели, государь, сие мое челобитье в Арзамасской приказной избе записать, а для досмотра мертвого убитого тела так же и иных раненых вели, государь, из Арзамаса послать служилых людей, а воровскую лошедь вели осмотреть и записать, и от записки отдать тое лошедь мне, нижайшему моему рабу, с роспискою.

Вашего величества нижайший раб, стольника Ивана Ивановича Пушкина Арзамасскиеево вотчины села Болдина прикащик Василий Никитин сын Шараров. 1713го генваря в... де[нь].

К сей челобитной Яков Шупилов вместо Василья Шарарова по ево веленью руку приложил. Резолюция на челобитной:

“1713 гогенваря в 3 де[нь] челобитье записат в книгу, а для убитого крестьянина, другой ранен, послать по наказу подьячего; и приводную лошадь, осмотра в шерсть и в лета и в приметы, записав, отдать до указу за пристава”.

РГАДА. Ф. 1103. (Арзамасская приказная изба). Оп. 1. Д. 2508. Л. 1–3.

Завещание стольника Ивана Ивановича Пушкина

Во имя Отца и Сына и Святого духа аминь. Я, раб Божий столь-

ник Иван Иванов сын Пушкин, пишу сие заветательное письмо в целом уме своем и разуме и приказываю при пастыре своем душевном Живоначальные Троицы при священнике, да при душе своей прикащикам, кому он приказывает, буде Господь ево переселит мя от века сего в будущую жизнь, всяко по нем отправит[ть] душевное и церковное и в разделении домовом, и в пожитках, и в деревнях при плижнем [так!] стольнике при Авраме Федоровиче Лопухине да при племяннике ево лейб-гвардии Преображенского полку при солдате при Александре Петровиче Пушкине, которым он приказал душу свою строити и поминати и всякое отправление чинить. Им, и пастырю, и души прикащиком пожаловать приказать тело свое погрести у церкви Самсона Странноприимца, по обычею доброго христианского поминаения по церквам, и нищим, и в тюрьмы милостыня роздат[ь]; и в пожитках ево по усмотрению своему на поминаение на Москве; и от святых икон благословил, а вставшие образы душеприкащикам кому надлежит роздать, и свойственникам ево, которых имяна им написано, а что за раздачею останетца, послать в деревню Дмитровскую и Коломенскую пожитки ево, которые есть и поставлены за печатью ево и за ерлыками в доме князь Ивана Ивановича Хованского. Долгов на нем, Иване, по письменным и не по письменным займом, которые до сих чисел займовая и не платил, по писменным: Григорью Рожнову – тридцать семь рублей, Федору Григорьевичу – тридцать рублей неписменно по душевным займам, военной канцелярии подячему Ивану Чекину – пятьдесят рублей, а вместо крепости заложил жемчуху бошого девять золотников, да обручи обложены серебром с каменьи, и с яхонты, и с алмазы, Гаврилу Шаропову – сорок рублей, а заложено жемчугу одиннадцать золотников. Да мною ж взято из деревень своих церковных денег, а не заплачено из села Болдина шестьдесят два рубли, да из Шатцкие села Устоя тридцать рублей. А кому что из движимого, которое писал выше сего, роздать и тому пастырю ево душевному и душе прикащиком за рукою своею дана роспись. А на поминаение души ево и на расплату долгов ево, которые в сем теме написаны, и писемные и безписменные душевные, и то пожаловал прикащикам заплатить и заклады выкупить, а достатными поминать душу ево и всякие церковные потребности отправлять. Священником и церковником, которым нарухе не дано со свидетельством, заплатить по свидетельству, которым не заплачено и за прошлой год из заемных моих денег, которые я занял у душеприкащика своего Аврама Федоровича Лопухина, дети четыре тысячи рублей, а в тех денгах заложил вотчины свои и поместья в Коломенском уезде в Песоченском стану на Пре реке, село Зилмойское, деревню Давыдову, да во Брянском уезде в селе Молоткове, да деревню Дорохову, и в Сарчыве Конце, со крестьяны и с деловыми людми [19] и с заводами и со всяким иными принад-

лежащими угодья и с пустошами, и с беглыми крестьяны. Да преж сего занял он у Федора Петровича Пушкина денги пятьсот рублей и в тех денгах заложил в Епифаниевском уезде вжеребью [20] деревню Красные Слабодки со крестьяны и совсеми угодья и з заводы [21]. Да двор московской в приходе церкви Козмы и Домияна, что на Тверской, у Гавриила Шаранова запись же пятьсот рублей, а в тех денгах за... [?]; в Донском уезде на реке Дону деревню Старую Городище со крестьяны и со всеми угодья, запись у Василья Федоровича Леонтьева, денги пятьсот рублей, у князь Ивана Ивановича Хованского денги – семсот рублей, у сестры своей у старицы Александры Ивановны Хованской – сто рублей. И такие долговые денги душе прикащиком ево отдать. А родовые свои поместья и вотчины в наследие отдаю родственнику своему Александру Петровичу Пушкину в Дмитровском уезде село Семеновское, Симовотож, да деревню Филатово в Московском уезде на реке Истре, деревню Раково в Шацком уезде на реке Мокше, в Подлесном стану село Устье и з деревнями, в Алаторском уезде деревню Тимашево да село Кунеево на реке Суре, да в Арзамаском уезде село Болдино, сокрестьяны и с деловыми людьми и с беглыми тех всех деревень, которые преж сего бежали, кроме выведенных, которые при нем выведены в другие деревни, и тем быть по выводу. И во всех моих селах и деревнях [называю] наследником племянника своего Александра Петровича Пушкина. Ктой духовной он, Иван Пушкин, сам руку приложил, да свидетели: Троицкого собора, что в Санкт Питербурхе, иерей Иоанн Семенов при душе сидел; капитан Раман Иванов сын Немков; порутчик князь Иван Мещерской, княж Андреев сын; оберпровиантмейстер Иван Петров сын Строев; ландрат Лука Богданов сын Каблуков; архангелогородской губернии комиссар Михайло Михайлов сын Дементьев; стряпчей Василей Григорьев сын [Жабов]; стольник Иван Федоров сын Теляковский руку приложили. Духовную писал Санкт-Петербургской губернской канцелярии подьячий Иван Трунилов.

(От письма и по записи двадцать пять алтын, писаны в приходной книге под статьею марта 29 дня. Подлинною духовную сын мой духовной Иван Иванович Пушкин взял, и по ево прошению вместо ево руки писал отец ево духовной Троицкого собора, что в Санкт-Петербурге иерей Иоанн Симеонов, потому что росписатца он, Иван Пушкин не смог за своею трудностию).

РГАДА. Ф. 412. Оп. 1. Ед. хр. 249. Л. 56 об. – 59.

Примечания

1. Б.Л. Модзалевский и М.В. Муравьев ошибочно указывали, что Иван Федорович Пушкин умер после 1715 года (См.: Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Пушкины. Родословная роспись// Род и предки А.С. Пушкина. М. 1995. С. 412). В боярских списках его

имя последний раз упоминается в 1698 году (РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 5).

2. Алтын равен трем копейкам или шести деньгам.

3. Модзалевский Б.Л., Муравьев М.В. Указ. соч. С. 412, 417.

4. Там же. С. 417.

5. Так называлась и деревня рядом с Болдином//Род и предки А.С. Пушкина. С. 202.

6. Модзалевский Б. Л. и Муравьев М. В., упоминая завещание И.И. Пушкина, ошибаются в его датировке, называя 1718 год. Записная книга, в которой зарегистрировано завещание, относится к 1717 году.

7. ПСЗ. Т. XVIII. СПб. 1830. № 5717.

8. Вегнер М.О. Предки Пушкина// Род и предки А.С. Пушкина. С. 187-188.

9. РГАДА. Ф. 412. Ед. хр. 249. Л. 113 об. – 114.

10. Бурмицкие зерна – крупный жемчуг.

11. Кунгыш – верхняя одежда с длинными, иногда до полу, разрезными до локтей откидными рукавами.

12. Камка – тонкая шелковая ткань с блестящими узорами на матовом фоне, обычно одноцветная.

13. Китайка – шелковая гладкокрашенная ткань, ввозившаяся из Китая.

14. Пестрядь – ткань домашней выработки из остатков пряжи разного качества.

15. Бурмет– персидская хлопчатобумажная ткань.

16. Ожерелок– ворот одежды, горловина.

17. То есть сорочек.

18. То есть шести.

19. Деловые люди – крестьяне-мастеровые разных специальностей.

20. То есть часть наследства, доставшегося по жребию.

21. Заводы – то, что было в усадьбе заведено (пруды, мельницы и проч.).